

На основе анализа материалов федеральных информационных агентств («Ведомости», «Известия», «Интерфакс», «РИА Новости», «Российская газета»), а также региональных средств массовой информации (116.RU, UFA1.RU, «Фонтанка.Ру») следует заключить, что частота упоминаний несовершеннолетних лиц в медиасреде за 2018-2024 гг. значительно увеличилась. При исследовании федерального аспекта мы пришли к выводу, что с 2022 г. этот показатель неуклонно растет. Среднеарифметическая абсолютная динамика с 2018 по 2024 гг. составляет порядка 106 %. Исследуя региональный аспект, следует отметить, что федеральные тенденции не всегда проявляются в регионах. Частота упоминаний несовершеннолетних увеличивается с 2018 г. (116.RU, UFA1.RU) и с 2022 г. («Фонтанка.Ру») по настоящее время.

Из вышесказанного следует, что комплекс мероприятий в рамках «Десятилетия детства» успешно реализуется. Несовершеннолетние лица находятся в фокусе общественного внимания, которое с каждым годом только растет. СМИ занимают одну из ведущих позиций в процессе его повышения и эффективно исполняют данную функцию.

Литература

Десятилетие в цифрах // Десятилетие детства. – Режим доступа: <https://10let.edu.gov.ru/desiatiletie-v-tsifrah> (дата обращения: 01.03.2025).

Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Демократия и «Четвертая власть» // Управленческое консультирование. – 2016. – № 2 (86). – С. 34-42.

Черных А.И. Реальность «Четвертой власти» // Социологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 100-125.

Шевченко О. Печатным словом. Журналисты отметили профессиональный праздник // Аргументы и факты. – 14 Янв. 2015. – Режим доступа: <https://vlad.aif.ru/society/details/1423825> (дата обращения: 01.03.2025).

Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship, & the Heroic in History. – London: Chapman and Hall, 193 Picadilly, 1840. – 235 p.

Фокина Мария Романовна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

(Научный руководитель – к.филол.н., доцент Н.А. Прокофьева)

ОБРАЗ ДЕДА МОРОЗА: СТАНОВЛЕНИЕ СИМВОЛА⁷

В статье исследуется процесс формирования образа Деда Мороза как символа новогодних праздников в русской культуре. Анализируются исторические, мифологические и идеологические предпосылки его возникновения. Особое внимание уделяется влиянию

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ гранта в рамках научного проекта «Традиционные ценности в ключевых словах текущего момента: реализованные и потенциальные возможности медиадискурса» (Соглашение с РНФ № 25-28-01575).

советской эпохи на закрепление образа Деда Мороза в массовом сознании через литературу, искусство и государственные праздничные традиции.

Ключевые слова: *Дед Мороз, новогодние традиции, советская идеология, фольклор, культурный символ.*

Maria Fokina,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

THE IMAGE OF DED MOROZ: THE FORMATION OF A SYMBOL

The article examines the process of shaping the image of Ded Moroz (Father Frost) as a symbol of New Year celebrations in Russian culture. It analyzes the historical, mythological, and ideological prerequisites for its emergence. Special attention is paid to the influence of the Soviet era on the consolidation of this image in mass consciousness through literature, art, and state-sponsored holiday rituals.

Key words: *Ded Moroz, New Year traditions, Soviet ideology, folklore, cultural symbol.*

Национальное единство складывается на основе национального менталитета, в котором закреплено представление о системе ценностей, определяющих единство нации. Ценностные доминанты находят выражение в ключевых словах – языковых единицах, которые отражают важнейшие социальные и культурные явления эпохи. Как зеркало исторических трансформаций, ключевые слова сохраняются в активном обороте до тех пор, пока актуально стоящее за ними явление.

Для религиозного русского человека традиционные ценности складывались вокруг триады «вера, царь и отчество», где вера занимала главенствующее положение. Однако смена эпох неизменно влечёт за собой изменение ценностных ориентиров. Этот процесс сопровождается появлением новых ключевых слов, которые отражают реакцию общества на происходящие изменения. Когда исторические условия меняются, прежние концепты перестают быть актуальными. На смену им приходят новые языковые маркеры, закрепляющиеся в сознании людей как отражение изменившейся реальности.

Один из ключевых переломов в русском национальном сознании произошёл в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией, ставшей своеобразной точкой отсчета для коренных изменений в ментальности народа. Этот период стал трагическим для традиционного русского менталитета, привел к слому основополагающих ценностей – веры, царской власти и национальной идентичности.

Разрушение традиционных ориентиров создало необходимость формирования новых идеалов, способных обеспечить стабильность общества. Исторические трансформации требуют от общества поиска новых опор, которые могли бы служить основой для восстановления духовного благополучия в условиях неопределенности и перемен. После Октябрьской революции 1917 года произошел кардинальный сдвиг в сознании российского общества, связанный с отказом от традиционной религиозной системы

ценностей. Однако, несмотря на внешние проявления отказа от религии, внутренние установки и глубинные верования продолжали сохраняться в массовом сознании.

Особенно ярко это проявилось в отношении к праздникам, связанным с христианскими традициями. Рождество, долгое время занимавшее центральное место в жизни русского человека, оказалось вытеснено из общественного пространства. Несмотря на то что традиция празднования Рождества оказалась под запретом, разрушить её одномоментноказалось невозможным. В результате советская власть предприняла попытку заменить эту традицию новым культурным феноменом – празднованием Нового года. Новый год был наделён аналогичной символической значимостью, но уже в контексте светского праздника, свободного от религиозных коннотаций. Тем не менее даже в новом формате праздника сохранилась некоторая преемственность с прежними обычаями, что говорит о сложности полного разрыва с прошлым. Так, элементы рождественских атрибутов были адаптированы и трансформированы: ангелы уступили место символам советской эпохи, таким как красные флаги, звёзды, игрушечные танки и др. Вместо младенца Христа, который традиционно приносил подарки детям под ёлку, появился Дед Мороз – персонаж народной культуры.

Образ Деда Мороза является результатом синтеза мифологических, фольклорных и религиозных традиций. Прообраз персонажа берет истоки в древнеславянских представлениях о зимних божествах, таких как Каракун, Позвизд и Зимник. Они олицетворяли суровые силы природы – холод, ветер и метель. В частности, Позвизд воспринимался как повелитель бурь и непогоды, способный вызывать град и снежные вихри своим движением. Зимник же, подобно современному Деду Морозу, представлял в образе старика с длинной бородой, облаченного в теплую одежду. Каракун, один из наиболее мрачных персонажей славянской мифологии, ассоциировался со смертью и холода. Этот образ был перенесён в сказки, где Мороз часто выступал как устрашающая фигура, наказывающая каждого, кто осмеливался противостоять его власти или нарушать законы природы.

В.Я. Пропп отмечает, что в фольклорной традиции Морозко представляет собой мужской эквивалент яги, хозяина мороза. В немецкой сказке ему соответствует *Frau Holle*,зывающая снег [Пропп 2000: 57]. В.Я. Пропп также анализирует образы необыкновенных искусствников, к которым относит Мороза-Трескуна (Студенца). Этот персонаж воплощает власть над зимней стихией – морозом, холодом и метелями [Пропп 2000: 153]. Его роль в сказках неоднозначна: например, в сюжете «Ивана Быковича» Студенец выступает в качестве помощника героя, тогда как в других вариантах может проявлять враждебность. Интересно, что и изображается герой по-разному, а иногда и не изображается вовсе. Например, в сказке «Богатыри» он представлен стариком с повязанной головой. На основе этих архаичных образов впоследствии формировался образ литературного Мороза.

К.В. Душенко пишет, что во второй половине XIX века происходит переориентация ёлочного праздника на русскую народную почву. В рамках

этой тенденции с помощью несложных контаминаций создаются новые мифологические образы: Дед Мороз, Снегурочка, бабушка Зима, Новый год и др. [Душенко 2002: 148]. Эти персонажи формируют новый фольклорный комплекс, основанный на традиционных русских сказаниях и культурных мотивах. Дед Мороз, объединивший в себе черты западного Санта-Клауса и славянского Мороза, становится центральным персонажем этого мифа. Аналогично фольклорной традиции, в литературе XIX века образ Мороза развивается в дуалистическом ключе: с одной стороны, он предстаёт как грозная природная сила («жестокий мороз», несущий угрозу всему живому), с другой – как добродушный волшебник, создающий зимние чудеса для детей.

В 1840 году публикуется сборник В.Ф. Одоевского «Детские сказки дедушки Иринея», включающий сказку «Мороз Иванович» – первое в русской литературе авторское переосмысление фольклорного и обрядового образа Мороза. В этой педагогической сказке Мороз предстаёт в роли мудрого наставника, сочетающего доброту с дидактической строгостью, что иллюстрирует характерный диалог с Рукодельницей: «Знаю я, зачем ты пришла... будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже». Параллельно формируется иной аспект образа, представленный в отрывке «Не ветер бушует над бором...» из поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос». В детском восприятии этот фрагмент, вырванный из трагического контекста поэмы, создаёт образ Мороза – могущественного «воеводы», волшебного устроителя зимнего леса, украшающего своё царство «в алмазы, жемчуг, серебро». К концу XIX века окончательно складывается представление о Морозе как добром создателе зимних развлечений. Эта ипостась ярко отражена в стихотворении С. Фруга «На катке» (1889), где Мороз выступает как создатель зимнего пейзажа, подготавливающий пространство для детских забав: «Прилетел мороз трескучий... Намостило синим льдом».

Стоит отметить, что образ Деда Мороза складывался под заметным влиянием западноевропейской традиции Святого Николая. Как отмечает исследовательница Е.В. Душечкина, превращение этого христианского святого в рождественского персонажа началось в Германии XVI века, где протестанты стали постепенно заменять религиозные образы на более светские [Душенко 2002: 152]. Американский историк П. Рестад в книге «Christmas in America: A History» (1995) показывает, как этот процесс распространился по Европе: из Германии традиция перешла в Нидерланды (где Святой Николай стал Sinterklaas), затем в англоязычные страны, и окончательно оформилась во Франции как образ Пер Ноэля (Père Noël). В России, как пишет Душечкина, этот западный образ соединился с древними славянскими представлениями о Морозе – повелителе зимней стужи [Душечкина 2023: 178].

К началу XX века образ Деда Мороза обретает законченную форму: он выступает как игрушка на ёлке, главный герой детской литературы, рекламная кукла и даже маскарадная маска. Несмотря на революционные изменения начала XX века, традиция празднования рождественской ёлки остаётся важной для русского человека. Более того, в первые годы Советской власти

появляются легенды о Ленине, который, подобно Деду Морозу, дарит радость детям, участвуя в ёлках.

В 1920-е годы празднование рождественской ёлки прекращается из-за репрессий против религии. Вера является важнейшей составляющей жизни русского народа, и её утрату необходимо было компенсировать. Власти находят выход в альтернативном празднике – Новом Годе.

Ключевой этап институционализации образа Деда Мороза в СССР приходится на 1935-1937 годы, что подтверждается архивными документами и исследованиями советской праздничной культуры. Как отмечает Е.В. Душечкина, толчком к созданию новой традиции послужила публикация 28 декабря 1935 года в «Правде» статьи П.П. Постышева с предложением вернуть детям «новогоднее веселье» [Душечкина 2023: 282].

Первый всесоюзный новогодний праздник состоялся 31 декабря 1936 года в Колонном зале Дома Союзов. Роль первого официального Деда Мороза исполнил известный конферансье Михаил Гаркави, а Снегурочку сыграли московские школьницы-отличницы. Как подчеркивается в статье журнала «Историк» [Как Сталин ёлку вернул 2020: <https://>], эта ёлка стала «пробным шаром» перед масштабным внедрением праздника в 1937 году, когда Дед Мороз и Снегурочка появились уже на всех главных новогодних мероприятиях страны. Как показывает С.В. Адоньева в своем исследовании, создание новой традиции осуществлялось через сознательную реинтерпретацию дореволюционных практик [Адоньева 2009: 180]. Рождественская ёлка превратилась в «новогоднюю», сохранилась практика дарения подарков, но с заменой религиозной символики на советскую. Вместо семейного торжества праздник превратился в событие общественного масштаба, организованное государственными учреждениями и школами. Дед Мороз перестал быть исключительно домашним символом и стал частью массовой культуры.

Особое внимание уделялось конструированию новых ритуалов – от обязательных «ёлочных карнавалов» с единым сценарием до создания института «официальных» Дедов Морозов. Ежегодное повторение этих ритуалов обеспечивало их устойчивое присутствие в жизни каждого гражданина, формируя единое культурное пространство. Ритуальные практики, такие как украшение ёлки, вручение подарков, посещение театрализованных представлений с участием Деда Мороза и Снегурочки, стали неотъемлемой частью новогоднего цикла. Эти тщательно разработанные ритуалы быстро распространились по всей стране. Уже к 1938 году, согласно мемуарам полярника К.С. Бадигина, новогодние праздники с Дедом Морозом проводились даже в самых отдалённых уголках СССР [Как Сталин ёлку вернул 2020: <https://>].

Важным этапом, по наблюдениям С.В. Адоньевой, стала унификация визуального канона в 1937 году, когда утвердились стандартные образы главных персонажей и декораций [Адоньева 2009: 183]. Советская детская литература, в том числе «Мурзилка» и «Пионер», сыграла определяющую роль в этом процессе, создав устойчивый комплекс визуальных характеристик

персонажа. В стихотворении К.И. Чуковского «Ёлка» (1922) мы видим переходный образ – «Новый год с золотою бородой», который постепенно трансформируется в канонического Деда Мороза у С.Я. Маршака («с бородой, в тулуп одет») и Агнии Барто («в голубой тулуп одет, рассыпая блёстки»). Анализ поэтических текстов показывает сознательную работу по формированию узнаваемого визуального кода.

В стихотворении Агнии Барто «Деды-близнецы» подчёркивается массовость образа («Вся Москва полным-полна Дедушек-Морозов»), что соответствует идеи коллективного праздника. При этом сохраняется индивидуальная характеристика – «главный дед» в кремлёвском зале, что создаёт иерархию образа. У А.А. Усачёва («Посох Деда Мороза») появляется важный атрибут волшебства – посох, «зажигающий миллионы ярких звёзд», что усиливает магические характеристики персонажа.

От более строгого духа зимы у К.И. Чуковского («Ущипну – так до слез!») эмоциональный образ эволюционирует к добродушному волшебнику у А.А. Усачёва («Здравствуй, Дедушка Мороз!... Я сейчас тебя погрею!»). Особенno показательно стихотворение Агнии Барто «Жадный Егор», где Дед Мороз предстаёт как гарант праздничной справедливости, распределяющий подарки. В стихотворении «Деду Морозу» С.Я. Маршака возникает ироничный образ любопытного старика, что свидетельствует о завершении процесса «одомашнивания» персонажа.

Анализ новогодних сценариев 1930-х годов, проведённый С.В. Адоньевой, выявил строгий визуальный стандарт: длинная белая борода, посох, красно-белый или сине-белый костюм. Этот образ дополнялся окружением – Снегурочкой в кокошнике и персонажами из советской детской литературы (Буратино, Чук и Гек) [Адоньева 2009: 186].

Решающую роль в закреплении визуального канона сыграли открытки В.И. Зарубина. В работах художника прослеживается строгое соответствие официально утверждённому канону при сохранении уникальных художественных черт, что способствовало популяризации и эмоциональному принятию данного персонажа. Антропометрические характеристики персонажа у В.И. Зарубина отличаются гипертрофированными чертами лица – ярким румянцем, густыми бровями и пышной седой бородой клиновидной формы. Рисуя костюмы, художник последовательно использует красно-белую цветовую гамму, дополняя шубу стилизованными снежинками и геометрическими узорами, что создаёт эффект праздничной нарядности. Обязательные атрибуты – посох с витым навершием и объёмный подарочный мешок – изображаются с особой тщательностью, так подчёркивается их символическое значение.

Композиционные решения В.И. Зарубина отличаются выразительной динамикой: фигура Деда Мороза часто изображается в движении, с наклоном корпуса вперёд и широкими жестами, что создаёт эффект непосредственного общения с адресатом открытки. Психологическая составляющая образа у В.И. Зарубина проявляется в тщательной проработке мимики, сочетающей добродушие и лукавство. Эмоциональная насыщенность сцен достигается

через экспрессивные жесты и оживлённую мимику персонажа. В.И. Зарубин превратил официальный образ в доброго и узнаваемого дедушку, который стал главным символом советского Нового года.

Таким образом, к концу 1930-х годов в СССР окончательно сформировался канонический образ Деда Мороза, ставший ключевым для советской праздничной культуры. Персонаж, имеющий глубокие фольклорные корни, обрёл свою современную форму именно в советскую эпоху, пройдя сложную трансформацию от мифологического духа зимы к добруму новогоднему волшебнику. Дед Мороз остаётся ключевым словом и в постсоветское время. Феномен долговечности образа Деда Мороза объясняется его особым местом в истории русской праздничной культуры. Возникший как результат советской модернизации календарной обрядности, этот персонаж стал лингвокультурным заменителем рождественских символов, обеспечил преемственность праздничной традиции в условиях идеологических трансформаций 1920-1930-х годов.

Кроме того, Дед Мороз выполнил важную культурно-адаптационную функцию. Он не просто заменил запрещённые религиозные символы, но и создал новую мифологию, в которой соединены традиционные представления о зимнем календарном цикле, советские ценности коллективного праздника и универсальные архетипы дарителя и покровителя. Эта триада обеспечила феноменальную устойчивость образа, позволив ему пережить породившую его эпоху и сохранить статус ключевого символа российского новогоднего праздника вплоть до наших дней.

Литература

Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи / С. Б. Адоньева. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2009. – 287 с.

Душечкина Е. В. Русская ёлка: История, мифология, литература. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 439 с. – URL: <https://books.yandex.ru/books/GBB7DN7s>.

Душенко К.В. Мифы XX века: Дед Мороз и Снегурочка // Вестник культурологии. – 2002. – № 4. – С. 142-158.

Как Сталин ёлку вернул // Историк. – 2020. – № 1-2. – URL: <https://историк.рф/news/359> (дата обращения: 11.02.2025).

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.

Хакимуллина Диана Фаридовна,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

(Научный руководитель – д.филол.н., профессор Д.Н. Демираг)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ